

УДК 13+930.1

DOI: 10.17223/1998863X/57/16

**А.М. Хамидулин**

## **РОЛЬ СИМВОЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА**

*Рассматривается историософская концепция Н.А. Бердяева с точки зрения символической ее интерпретации. Анализируются подходы философа к трактовке понятия «символ». Проводятся параллели между философией истории Н.А. Бердяева и метафизикой Платона, а также между историософской системой Н.А. Бердяева и социологическими концепциями П. Бергера и Т. Лукмана. Делается вывод о наличии символично-смысловой составляющей в историософской мысли Н.А. Бердяева.*

*Ключевые слова: Н.А. Бердяев, философия истории, историософия, символ, платонизм, социология, история.*

Французский историк-медиевист Мишель Пастуро в своей книге «Символическая история Европейского Средневековья» (2004), посвященной аналитике разного рода знаков в средневековом их понимании, в самом начале своего исследования пишет о перспективах развития особого направления – «символической истории», обосновывая это тем, что «...символ в средневековой культуре является частью базового ментального инструментария: он имеет разнообразные формы выражения, охватывает различные смысловые уровни и проникает во все сферы интеллектуальной, общественной и религиозной жизни, включая этические представления» [1. С. 8]. Под изучением символической истории в данном труде Пастуро понимает изучение бытования конкретных символов (цвета, растения, животные) в историческом прошлом разных народов, что автоматически предполагает включение символической истории в проблемное поле других частных историй – искусства, литературы, религии, политики, экономики и т.д., поскольку конкретные символы неизменно существуют в конкретном историко-социальном контексте. Французский историк утверждает, что символ «...обозначает не физическую личность, а абстрактную сущность, идею, понятие, представление» [1. С. 9]. Это дает основания для расширения области применения понятия «символическая история», в том числе на область представлений людей по поводу самого исторического процесса.

В произведении «Новое средневековье» (1924), принесшем Н.А. Бердяеву европейскую славу, мыслитель дает данному явлению следующее определение: «Новым средневековьем я называю ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа» [2. С. 226]. Средневековье нового типа, о котором пророчествует Бердяев, должно стать эпохой универсального единства, возврата к мистической сакральности и общественной спонтанности и символизму. «Средневековью... свойственно символическое миропонимание», – пишет Бердяев в своем трактате «Философия свободного духа» (1927). Причем наступление такого нового средневековья есть результат выбора людей, а не

некоего безличного исторического процесса: «Мы уже средневековые люди не только потому, что такова судьба и фатум истории, но и потому, что хотим этого. Вы еще люди новой истории, потому что не хотите сделать избрания» [2. С. 255]. Получается, что человек (особенно архаический или «средневековый») способен наполнять символическим смыслом окружающую действительность, создавая тем самым новую реальность. Необходимо отметить, что Бердяев в своем интересе к природе и значению символа был не одинок. Такие крупные фигуры отечественной мысли, как отец Павел Флоренский («Наука как символическое описание», «Обратная перспектива», «Философия культа»), А.Ф. Лосев («Знак. Символ. Миф», «Логика символа», «Очерки античного символизма и мифологии», «Проблема символа и реалистическое искусство»), А. Белый («Символизм как миропонимание»), уделяли значительное место в своем творчестве интерпретации символа. В этом отношении Бердяев находился в русле общего внимания русской философии и поэзии к феномену символического, однако наше внимание привлекает, прежде всего, встречающаяся у Бердяева оригинальная интерпретация истории через призму символа.

Современный специалист по лингвистическим особенностям философии Бердяева Г.В. Дьяченко утверждает: «Философия Н. Бердяева – философия символизма» [3. С. 121]. Действительно, у Бердяева можно обнаружить две пересекающиеся темы: философскую аналитику символа и трактовку истории через призму «символического». Начать аналитику символической трактовки истории у Бердяева необходимо с уяснения того, какой смысл философ вкладывал в понятие «символ». Русский мыслитель определяет его следующим образом (со ссылкой на книгу Max Schlegel «Geschichte des Symbols»): «Символ (ο σύμβολον) значит посредник, знак и вместе с тем связь. Συμβάλλειν – значит соединять, разделяя, связывать» [4. С. 50]. Исходя из данного определения, Бердяев делает онтологический вывод о существовании нескольких порядков бытия, которые символ должен связывать. Символ в этом отношении выступает как настоящая связь между двумя порядками бытия – миром духовным и миром природным, земным. При помощи символа субъекту познания предоставляется доступ из мира эмпирического в мир духовный, и перед человеком открываются глубины исторического бытия. Мыслитель даже говорит об особом рода символическом мировоззрении, при помощи которого в окружающем конечном мире усматривается перспектива мира божественного. Для носителя такого символического сознания все предметы и события истории становятся как бы прозрачными, так как они, будучи символами, служат проводниками в духовную сферу, в которой, по Бердяеву, только и возможно метафизическое постижение истории.

Реализуется эта возможность благодаря тому, что символическое сознание наполняет смыслами и значениями природный мир (история космоса / природы), который сам по себе их не имеет, но приобретает их только тогда, когда соотносится с духовной сферой. «Все, что имеет значение и смысл в нашей жизни, есть лишь знак, т.е. символ иного мира. Иметь значение – значит быть знаком, т.е. символом иного мира, несущего смысл в себе самом. И все значительное в нашей жизни есть знаковое, символическое» [Там же], – утверждает Бердяев. Это значит, что для него символ однозначно ассоциируется с духовным опытом, в символе раскрывается феномен творчества, и при

помощи преисполненного смыслами символа возможно постижение истории, или, иначе говоря, история оказывается пространством смыслов и значений. Подобного рода умозаключения закономерно приводят Бердяева к онтологизации самого символа, и вот символ уже не только связывает два порядка бытия, но сам физический мир с его историей человечества понимается как символ мира духовного, включенного в особого рода духовную историю («небесную историю» в терминологии философа): «Весь мировой и исторический процесс есть лишь символическое отображение вонне внутреннего события моего духа, события, со мной происшедшего, не субъективно-душевного события, а духовного события, события духовного мира, в котором нет раздельности и внеположности меня и всего бытия, в котором я в бытии и бытие во мне» [4. С. 67]. По Бердяеву, получается, что история человечества есть знак истории небесной, или, наоборот, проделывая обратный путь от знака к духовной реальности, следует считать, что разворачивающаяся во времени история человечества есть символ, отсылающий нас к вечной, небесной истории. Так в философском наследии Бердяева открывается возможность для рассуждения о символическом основании истории.

Анализируя символическое прочтение истории у Бердяева, мы встречаемся с противопоставлением у мыслителя двух понятий – «объективизация» и «реализация». Согласно его подходу небесная, вневременная, духовная история воплощается в нашей, человеческой, земной истории, и этот процесс именуется философом «объективизацией». В ходе объективизации происходят некоторое «охлаждение» изначальной духовной истории, ее пленение и отчуждение (в использовании последнего понятия можно усмотреть марксистское влияние на Бердяева). В объективной истории лишь содержится некий вторичный намек на первичный духовный план бытия. Другими словами, объективизированная история есть только знак, символ, чья функция указывать на исторический первообраз. Человечество, осознанно или неосознанно, но живет именно в этой объективизированной, воплощенной истории, которая есть пространство символического. Опасность, исходящая из неосознанного бытования человека в объективизированном поле, видится Бердяеву в том, что субъекты познания воспринимают символ (историю земную) за реальность (историю духовную), а символы священного – за самое священное, тем самым оказываясь в рабстве символа. При этом происходит сакрализация объективизированной, отчужденной реальности, понимаемая как выделение из общего мирового целого отдельного локуса истории и освящения его в общественном сознании. И это есть трагический, порабащающий человека обман: «В этом трагедия всякого исторического осуществления, которое есть не реализация, а объективация. Объективация никогда не есть реализация, объективация есть символизация» [5. С. 150]. Получается, то, что люди именуют реальностью в обыденном смысле этого слова, есть «всего лишь» символы, которые следует отличать от духовной реальности как таковой, к которой нас символы отсылают. Другими словами, в этом отношении процесс символизации приобретает у Бердяева несколько негативные характеристики.

Противопоставляет же Бердяев принципу «объективизации» принцип «реализации». Дело в том, что духовная жизнь, через которую Бердяев и призывает познавать суть истории, не существует в его философии наряду с физическим или психологическим миром и не противоположна им, духовная

жизнь охватывает собой всю действительность. Применительно к нашей теме исследования это означает, что все материальное и исторически-временное становится частью небесной истории. И если символ есть результат объективизации как неполного воплощения в истории и обществе истории небесной, то реализация есть непосредственный вход вечности в историческое время (так, например, Бердяев понимает событие христианского воплощение Логоса как такого рода реализацию). Однако совершенный переход от объективизации к реализации означал бы окончательное исчезновение объективированного «нашего» привычного мира. Поэтому полная реализация духа, ассоциируемого у философа с божественным бытием, небесной историей, вечностью и сверхсознанием, т.е. с теми областями бытия, которые трансцендируют обыденность природного, исторического и социального, произойдет лишь в эсхатоне. Данная философско-практическая задача по реализации небесной истории и недопущению ее объективизации может быть разрешена в нашем мире через творчество. Совершается такая реализация духа в экзистенциальных категориях («В объекте никогда нет реальности, в объекте есть лишь символ реальности. Самая реальность всегда в субъекте» [6. С. 389]), понимаемых, однако, как социальное плюс индивидуальное, и не как механическая совокупность элементов, но как эмерджентное свойство целостной системы, которую нельзя свести к сумме ее элементов. И в этом переходе от объективированного мира к экзистенциальному можно усматривать главную мысль всего философского творчества Бердяева. Иначе говоря, Бердяев формулирует такой метод исторического познания, который опирался бы не только на «позитивные», абсолютно достоверные факты истории, но принимал бы во внимание антропологический фактор: то, как исторические события воспринимаются людьми, каким образом происходит отражение исторической действительности в сознании.

В сущности, это не означает, что Бердяев трактует символизацию как строго отрицательное явление, философ лишь призывает к тому, чтобы правильно понимать символизированную таким способом историю. Именно поэтому подлинный реализм означает для мыслителя переход от исторических символов к их духовной реальности. В этом отношении философ предлагает различать два рода символизма – идеалистический и реалистический. Идеалистический символизм отводит символическому место только в человеческом сознании, толкуя символ лишь как функцию мышления и тем самым ограничивая символизм субъектом. Надо сказать, что концепция Бердяева может трактоваться именно так, однако русский философ не приемлет такого определения, поскольку идеалистический символизм есть «...символизм безнадежной разобщенности двух миров, безнадежной замкнутости нашего внутреннего мира...» [4. С. 51]. Нетрудно заметить, что, критикуя такого рода символизм, Бердяев критикует и философию Канта [4. С. 52; 7. С. 67] за отрыв человека от истоков бытия, одинокую замкнутость в себе и разорванность человеческого существования. Противопоставляет же идеалистическому символизму Бердяев символизм реалистический. Последний предполагает, что символы духовной жизни человека не ограничиваются лишь его сознанием (хотя мышление человеческое и символично) и даже не просто связывают субъективное сознание человека с объективным историческим миром, но являют собой подлинные связи между человеческой историей и

историей небесной. Поскольку для Бердяева символ есть не иллюзия, но действительность, причем верно отражающая происходящие в истории события, то реалистический символизм для него – это единственно правильный подход к символической истории: «Реалистический символизм лежит по ту сторону гносеологического разрыва субъекта и объекта, по ту сторону вбирания действительности в мир субъекта или мир объекта» [4. С. 52].

Следовательно, все события мировой истории могут прочитываться, исходя из символического понимания природы исторического, в соответствии с чем история земная есть символ истории небесной, последняя при этом обладает большей степенью реальности. Это дает основание вслед за исследователем архаического мышления Мирча Элиаде утверждать, что подобного рода «...„первобытная“ онтология имеет платоническую структуру, а Платон в таком случае мог бы считаться философом по преимуществу „первобытной ментальности“ („первобытного мышления“), т.е. мыслителем, сумевшим наделить философской ценностью способы существования и поведения архаического человека...» [8. С. 56]. Русский философ в этом отношении не был архаичным человеком, но он был носителем подобного рода символического мышления – при этом выбор в пользу символа, а не точного факта, Бердяев делает сознательно (хотя положительную роль исторической критики он полностью и не отрицает [7. С. 29]), в отличие от представителей архаической культуры (и в этом сознательном выборе элемента «архаического», или, как его называет философ, «средневекового», мышления в качестве основания для создания своей философии истории заключается особенность мысли Бердяева), что позволяло ему сделать соответствующий вывод: «Все это меня привело к тому, что на историческое познание должно быть распространено с некоторыми изменениями платоновское учение о познании как припоминании» [Там же. С. 27]. А это, в свою очередь, есть прямая отсылка к теории познания как учению о припоминании, разработанному Платоном в диалогах «Менон» (816–866), «Федон» (72e–76e) и «Федр» (250b-d). Трактовать такое историческое припоминание (а Бердяев настаивает, что человек через припоминание обладает доступом ко всей истории) представляется возможным только в метафизическом и, более того, в платонической парадигме мышления.

Дело в том, что в своей работе «Смысл истории» Бердяев утверждает особую реальность исторического, которая не разложима на факторы психическо-физиологического или материально-географического порядка. История, по Бердяеву, есть не какая-то отвлеченная конструкция, но единственная конкретная реальность, охватывающая собой все сферы бытия: «...никакой другой конкретной реальности, кроме исторической, не существует и существовать не может» [Там же. С. 19]. В этом отношении все, что существует, – существует в истории, и все есть история. Можно считать, что история Бердяева по уровню реальности соотносится с миром идей Платона, и в этом отношении образное, символизированное представление о прошлом видится Бердяеву более реальным, чем история «объективная», поскольку он является прообразом, символом истории небесной. Однако Бердяев модернизирует систему мысли Платона: «Платону не раскрывается еще индивидуальное...» [Там же. С. 20]. В этом отношении русский философ находится в более выгодном положении, творя в историко-культурной ситуации, в которой феномену индивидуальности, личности и истории придается большое значение.

По мысли русского философа, история является не только реальностью конкретной, но реальностью, которая имеет дело с индивидуальным, а не всеобщим (такой индивидуализированный подход, по Бердяеву, может быть применен и к целым нациям и народам). Сочинения Бердяева трактуют историю как совокупность действий всех мировых сил, которые, в свою очередь, составляют человеческую судьбу: «Человек есть в высочайшей степени историческое существо» [7. С. 21]. В этом экзистенциальном понимании истории и заключается модернизация платоновского учения по припоминании применительно к философии истории. Получается, что Бердяев в построении своей философско-исторической системы не только опирался на философию Платона, но, творчески интерпретировав платонизм, придал ему историческое и экзистенциальное измерение, сформулировав тем самым оригинальный неклассический вариант исторического платонизма. Исходя из этого, нельзя согласиться с мнением современного украинского историка философии А.Г. Тихолаза, который, хотя в целом и верно предполагает возможность построения системы философии истории на основании платонизма вообще (исторический платонизм), но тем не менее заявляет об абсолютной бессмысленности поисков платонических идей в различных вариантах русских систем философии истории и в частности в трудах Бердяева [9. С. 302].

Рассмотрев философско-исторические сочинения Бердяева на предмет значения символа для его системы, кажется интересным проинтерпретировать его систему при помощи концепции, разработанной социологами П.Л. Бергером и Т. Лукманом. Речь идет о таком понятии, как символический универсум, который, с точки зрения западных социологов, маркирует «...системы теоретической традиции, впитавшей различные области знаний и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [10. С. 157]. Иначе говоря, символический универсум представляет собой совокупность отличных от обыденной реальности культурных значений, возникших в ходе социально-исторического развития, которые интегрируют все смысловые конструкторы данного общества, легитимизуя определенную его структуру, и служат основанием для идентификации человека в окружающем мире. «Символический универсум упорядочивает также историю» [Там же. С. 168], – замечают П.Л. Бергер и Т. Лукман в своей работе, указывая на то, что в своей тотальности символические универсумы соединяют в том числе прошлое, настоящее и будущее и объединяют людей разных времен в одну целостность. Применительно к философской системе Бердяева это означает, что концепция символической истории предполагает функционирование ценностно ориентированных представлений об истории и символически осмысленных образов прошлого не только в сознании одного индивида, но и в рамках коллективных представлений отдельных групп людей и общества в целом. Так что можно считать, что русский философ открыл такого рода символический универсум в историческом его измерении.

Таким образом, в философском наследии Бердяева можно констатировать символическое измерение феномена «исторического» и даже наличие интенций к обоснованию целенаправленного создания символической истории. Все это означает, что Бердяев, во-первых, усматривает в наших представлениях об историческом прошлом символическую природу, во-вторых, разделяет мнение о том, что средневековому мышлению в значительной сте-

пени был присущ символизм, в-третьих, постулирует наступление нового средневековья, что одновременно предполагает возвращение символического мышления, в-четвертых, отмечает, что все это есть выбор, который определяет судьбу человека, и, в-пятых, процедура творческой символизации означает появление нового поля смыслов, которое, в свою очередь, способно оказывать влияние на ход исторического процесса. В связи с этим современный специалист в области отечественной философии истории Л.Е. Шапошников утверждает, что весь «...пафос бердяевской философии истории – в призыве человека к поиску духовных ценностей, к их неустанному созиданию, к недовольству „наличным бытием“, к признанию самоценности человеческой личности» [11. С. 149].

В итоге следует сделать вывод, что Бердяева интересовал не только смысл какого-либо конкретного исторического события, но то, как люди понимают, воспринимают, каким смыслом наполняют исторические события, одним словом, как происходит конструирование «исторического» [7. С. 31]. Результатом стало открытие того, что судьба человека, теме которой Бердяев и посвящает свои историософские изыскания, проживается не только в фактичном историческом бытии, но и в значительной степени в символическо-смысловой сфере. Как писал немецкий философ Э. Кассирер, «...вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*» [12. С. 472]. Так и положение человека в истории, согласно Бердяеву, следует определять не столько в качестве положения существа фактического, или человека позитивной истории (как существа, с которым и над которым история совершается), но как положение существа символического, который сам созидает исторические смыслы и сам творит историю. Таким образом, в истории человеческих судеб обнаруживается экзистенциальное измерение, в которой можно выявить два аспекта: экзистенциальное претерпевающее (пассивное положение) и экзистенциальное творящее (активное положение). При этом следует еще раз подчеркнуть, что русский мыслитель как философ-идеалист полагает, что символы не просто выражают один из аспектов отражения исторической действительности в человеческом сознании, но представляют из себя подлинные духовные, мистические реальности. Из этого видно, что философско-историческую концепцию Бердяева следует трактовать в качестве символической истории, понимаемой в качестве истории бытования конкретных символов (образных представлений об историческом) и в качестве самой практики символической интерпретации человеком истории (смысловой «надстройки» на «базисе» исторических фактов), т.е. как историю в большей степени метафизическую, чем позитивистскую.

### *Литература*

1. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб. : Александрия, 2012. 448 с.
2. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон+, 2002. С. 221–313.
3. Дьяченко Г.В. Символ в философском дискурсе Н. Бердяева: лингвокогнитивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Луганск, 2008. 258 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободного духа : сб. М. : Республика, 1994. 480 с.
5. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство Дух и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. С. 164–287.

6. Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. С. 364–462.
7. Бердяев Н.А. Смысл истории // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М. : Канон+, 2002. С. 7–220.
8. Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Космос и история : избранные работы. М. : Прогресс, 1987. С. 23–126.
9. Тихолаз А.Г. Платон и платонизм в русской религиозной философии второй половины XIX – начала XX века. Кмев : ВиРА «Инсайт», 2003. 368 с.
10. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М., 1995. 324 с.
11. Шапошников Л.Е. Историсофские взгляды Н.А. Бердяева // Тетради по консерватизму : альманах № 2. М. : Некоммерческий фонд – Ин-т соц.-экон. и полит. исслед., 2018. С. 143–150.
12. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики, 1998. 780 с.

**Artem M. Khamidulin**, Nizhny Novgorod Theological Seminary (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Moscow Theological Academy (Moscow, Russian Federation).

E-mail: captain.nemo.2012@yandex.ru

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 2020. 57. pp. 171–179.

DOI: 10.17223/1998863X/57/16

# THE ROLE OF SYMBOLISM IN NIKOLAI BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF HISTORY

**Keywords:** Berdyaev; philosophy of history; historiosophy; symbol; Platonism; sociology; history.

This article analyzes the historiosophical system of Nikolai Berdyaev. The author proceeds from the following facts: (1) Berdyaev consciously builds his philosophy of history as a metaphysics of history, which implies the existence of spiritual realities and, in particular, spiritual history (“heavenly history”) encompassing both the history of space (natural history) and the history of mankind; (2) Berdyaev believes that the driver of the historical process is heavenly history, which can manifest itself either directly (the incarnation of God) or indirectly through actions of people who, in their existential depth, come into contact with spiritual reality (and therefore with heavenly history); (3) Berdyaev views the history of mankind as the history of human destinies; (4) Berdyaev strives to reveal the meaning or meanings of the historical process. Using Michel Pastoureau’s idea of the need to study symbolic history understood as a study of the figurative representations of people about various cultural phenomena, the concept “symbolic history” is conceptualized in relation to Berdyaev’s philosophical and historical system. The article analyzes Berdyaev’s understanding of the concept “symbol” and the presence of the concept “symbolic” in his philosophical system. In this context, the concepts “objectivization” and “realization”, as well as two types of symbolization, “idealistic” and “realistic”, are examined. A parallel is drawn between the symbolic interpretation of Berdyaev’s philosophy of history and Plato’s metaphysical conception. The conclusion is made that the Russian philosopher modernizes the system of his great predecessor by introducing the concepts “history” and “personality” into the philosophical system of the latter, and by recognizing a historical being in a person. The similarity of Peter L. Berger and Thomas Luckmann’s concept “symbolic universe” and the symbolic interpretation of Berdyaev’s philosophy of history its public dimension is noted. The conclusion is drawn on the advisability of conceptualizing the concept “symbolic history”. Based on this, two aspects of the existential being of a person in history are revealed in Berdyaev’s historiosophical system, and specifically in the history of human destinies: the existential sufferer (a person as a passive participant in history) and the existential creator (a person as an active participant in history). The latter aspect is associated with the meaning-constructing dimension of a person’s historical being; due to this dimension, specific people and society as a whole have an idea of the “historical” in general and about its individual phenomena, and this “historical” may differ from reliable positive historical facts. The author refers to this dimension as the symbolic aspect of Berdyaev’s philosophy of history.

## References

1. Pastoureau, M. (2012) *Simvolicheskaya istoriya evropeyskogo srednevekov'ya* [Symbolic History of the European Middle Ages]. Translated from French by E. Reshetnikova. St. Petersburg: Aleksandriya.

2. Berdyaev, N.A. (2002a) *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [Sense of History. New Middle Ages]. Moscow: Kanon+. pp. 221–313.
3. Dyachenko, G.V. (2008) *Simvol v filosofskom diskurse N. Berdyaeva: lingvokognitivnyy aspect* [Symbol in N. Berdyaev's philosophical discourse: linguo-cognitive aspect]. Philology Cand. Diss. Lugansk.
4. Berdyaev, N.A. (1994a) *Filosofiya svobodnogo dukha* [The Philosophy of Free Spirit]. Moscow: Respublika.
5. Berdyaev, N.A. (1995) *Tsarstvo Dukh i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow: Respublika. pp. 164–287.
6. Berdyaev, N.A. (1994b) *Filosofiya svobodnogo dukha* [The Philosophy of Free Spirit]. Moscow: Respublika. pp. 364–462.
7. Berdyaev, N.A. (2002) *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [Sense of History. New Middle Ages]. Moscow: Kanon+. pp. 7–220.
8. Eliade, M. (1987) *Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty* [Space and History. Selected Works]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 23–126.
9. Tikholaz, A.G. (2003) *Platon i platonizm v russkoy religioznoy filosofii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Plato and Platonism in Russian religious philosophy of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kyiv: ViRA Insayt.
10. Berger, P.L. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow.
11. Shaposhnikov, L.E. (2018) *Istoriiosofskie vzglyady N.A. Berdyaeva* [N.A. Berdyaev's historiosophical views]. *Tetradi po konservatizmu*. 2. pp. 143–150.
12. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected. Essay on Man]. Translated from German. Moscow: Gardarika.